

Мельничук Я.В.

Ответственность цензоров перед civitas в середине V - середине II в. до н.э.

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3142>]

[Публикация работы:]

Мельничук Я.В. 2002: Ответственность цензоров перед civitas в середине V -
середине II в. до н.э. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (9), 113-125.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Я. В. МЕЛЬНИЧУК*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЦЕНЗОРОВ
ПЕРЕД CIVITAS В СЕРЕДИНЕ V –
СЕРЕДИНЕ II В. ДО Н. Э.

Исследователи не раз высказывали мнение, что не только законы XII Таблиц, но и государственное устройство в целом в первые век-полтора ранней Республики развивались не без греческого влияния¹. Представляется, что и учреждение цензуры можно рассматривать как некое соединение эллинской теории с римской практикой. Римская элита, видя, какой путь прошла демократия в Афинах за полтора века законов Солона, осознала, сколь опасно доверять важнейшие рычаги государственного управления только консулам, пусть и избравшимся пока из патрицианской среды. Однако после того как плебеям удалось оформить закон об учреждении должности консульских трибунов² (а как считают некоторые исследователи, плебеи сразу вошли в их число³), патриции, заседавшие в Курии, позаботились о выделении части гражданских полномочий консулов в компетенцию новых магистратов⁴. Но если принцип консульской ответственности в общих чертах нам известен даже по прямым указаниям источников, то об ответственности цензоров перед civitas источники не упоминают; в научной литературе этот вопрос также пока подробно не изучен.

По истории римского права существует большой объем литературы, в том числе учебной, однако она носит, как правило, догматический характер; в ней обычно ощущается недостаточная связь между правовой мыслью и конкретной исторической ситуацией. Отклонением от этой традиции является учебник «Римское право» (2000 г.) македонских исследователей Иво Пухана и Марьяны Поленак-Акимовской, претендующий не только на изложение догмы римского частного и публичного права, но и на освещение его социально-экономических и политических предпосылок. Однако и в нем ответствен-

* Мельничук Ярослав Владимирович – аспирант кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

¹ Никольский Б. В. Система и текст XII Таблиц. СПб., 1897. Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н. э.). М., 1994. С. 144–149. Ср.: Токмаков В. Н. Военная организация Рима ранней Республики. М., 1998. С. 119. Zabłocka M. I problemi della ricostruzione delle fonti giuridiche Romane nella scienza moderna // Древнее право = Jus antiquum. 1998. № 1 (3). С. 28–34; Mojer M. A. La ley de las Doce Tables: Texto y notas. La Plata, 1994.

² Деметьева В. В. Республиканская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 37 и след.

³ Там же. С. 49; Staveley E. S. The Significance of the Consular Tribunate // The Journal of Roman Studies. 1953. Vol. 43. P. 34.

⁴ Мельничук Я. М. Цензура в социально-политической жизни римлян // Древний Восток и античный мир. М., 2001. Вып. IV. С. 97–112.

ность магистратов перед *civitas* декларируется лишь в общих словах, без рассмотрения каких бы то ни было конкретных вопросов, с нею связанных⁵.

Надо сказать, что и в отечественной исторической литературе вопрос о правовой ответственности какого-либо из курульных магистратов ранее специально не ставился, если не считать замечания И. В. Нетушила о том, что древнеримская цензура была неответственна, так как находилась в полной зависимости от сената⁶ (однако в 1999 г. проф. И. Л. Маяк и Л. Л. Кофанов в беседе с автором статьи отметили необходимость особого рассмотрения данной проблемы при изучении истории древнеримской цензуры).

I. Проблема ответственности цензоров перед *civitas*

Чтобы как можно более полно представить себе роль цензуры в системе высших римских магистратур в середине V – середине II в. до н. э. и масштаб ответственности цензоров, необходимо обратить внимание на условия возникновения этого института государственной власти и на объем предоставленных цензорам в то время полномочий. А поскольку многое познается в сравнении, думается, будет не лишним отметить некоторые особенности функций цензоров в отличие от столь уважаемых римлянами афинских образцов, в частности, магистратуры полетов – особенности, которые, на наш взгляд, играли весьма существенную роль при определении наступления или ненаступления момента ответственности должностного лица в каждой из систем власти.

Итак, мысль об учреждении цензуры возникла в сенате (*Liv.* IV. 8. 2), и в качестве оправдания ее воплощения в жизнь было высказано замечание, подхваченное всеми античными авторами, писавшими о цензуре, будто консулы из-за частых войн не успевают заниматься гражданскими делами и что ценз не проводился уже 17 лет (*Ibid.*; *Zonar.* VII. 19; *Lyd.* Mag. I. 39; I. 44). Это объяснение, наверное, и в 443 г. до н. э. могло показаться несколько поверхностным, поскольку решения и о объявлении войн, и о проведении цензов зависели в то время от воли сената. Еще более на конъюнктурный характер сенатусконсульта об учреждении цензуры указывает тот факт, что основные полномочия цензоров, за исключением надзора за нравами, до 367 г. до н. э. так и не были законодательно оформлены (а с приходом в цензуру плебеев это было уже не существенно).

Известно, что консулам помогали трибуны легионов или легаты, под их началом состояли казначеи-квесторы, в подчинении эдиллов находилось тоже несколько коллегий, а у цензоров, кроме неопределенного (и неопределяемого) количества писцов (*scribae*) и помощников (*apparitores, iuratores, graecones*), набравшихся из числа клиентов⁷ и рабов, не было никакого административного аппарата. Все множество их обязанностей, которые, как жалуется Полибий (*Polyb.* VI. 17. 2), просто невозможно исчислить, они должны были исполнять лично, можно сказать, на виду у сенаторов.

В то же время в Афинах, городе-мечте многих римских сенаторов и отцов отечества (еще начиная с со времен Республики), финансовой частью заведовали οἱ ἐπὶ τῆ διοικήσει, учетом и контролем занимались οἱ ἐπιγραφεῖς, проблемами оценки имущества – λογισταί, εἴθνηοι, арендные контракты заключали πολέται⁸.

⁵ Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право. М., 2000. С. 17. Авторы учебника полагают, что уже в предклассическую эпоху мы можем наблюдать три особые категории ответственности магистратов: гражданско-правовую, уголовно-правовую и политико-правовую. Кроме того, авторы неверно относят появление первого плебейского цензора к 356 г. до н. э. (Там же. С. 19). Действительно, первым плебейским цензором был Г. Марций Рутил, но в 356 г. он исполнял обязанности диктатора, а цензором стал лишь в 351 г. Ср.: *Liv.* VII. 22. 7, 10.

⁶ Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Харьков, 1894. С. 178.

⁷ Известно, что знаменитый Гней Флавий, опубликовавший *legis actiones*, был вольноотпущенником Аппия Клавдия Цека, цензора 312 г., и состоял у него писцом.

⁸ *Arist.* Athen. pol. 43. 1; 45. 2; 47. 1–2; 48. 3–4; 52. 3; 54. 2 // Aristoteles. Athenaeon politeia / Ed. M. Chambers. Leipzig, 1986; Латышев В. В. Очерк греческих древностей. СПб., 1997. Т. 1: Государ-

Учитывая восхищение Полибия диалектическим единством и вместе с тем разделением властей в Риме (сенат – магистраты – комиции) (*Polyb.* VI. 11. 11–12), нельзя не отметить, что римская элита эпохи ранней Республики (и расцвета Афин) не пожелала или не смогла внести некую ясность мысли и схематическую четкость в создаваемый в тот период государственный аппарат.

Отсюда проистекала недифференцированность полномочий как между отдельными магистратскими коллегиями, так и внутри них. Сенаторы, все чаще и чаще достигавшие этого ранга не по возрасту, но по *cursus honorum* (а примерно с 312 г. до н. э. – только милостью цензора), иногда не оправдывали своего высокого звания – *optimi viri*, предлагая народу голосовать за кандидатуры людей, находившихся друг с другом в смертельной вражде (204 г. – *Liv.* XXIX. 37. 8–16; *Val. Max.* II. 9. 6; ср.: *Liv.* XL. 16. 14; *Cic. Cluent.* 43. 122; 48. 132). Однако история знает и обратные случаи. Так, друзья-цензоры Катон и Флакк будто сговорились: один, при явном неудовольствии сената, срывал цензорские торги по откупам, а другой, обладая равными правами в проведении торгов, а также *ius intercedendi* по отношению к коллеге, нисколько ему не препятствовал (*Liv.* XXXIX. 44; ср.: XXXII. 7. 2–3; XLV. 15. 7).

Эти и другие примеры показывают, насколько пагубным было для римлян отсутствие столь необходимого для афинских магистратов обряда докимасии. Я. Суолахти отмечал, что при рассмотрении кандидатур всегда имело значение перечисление выдающихся заслуг предков и часто – *cursus honorum* самого кандидата⁹.

Обладают ли цензоры достаточным состоянием для того, чтобы хотя бы им отвечать в случае причинения экономического или морального ущерба государству, – не очень заботило сенаторов. Ибо один из них сказал, что «нет более уродливой формы правления, чем та, при которой богатейшие люди считаются наилучшими» (*Cic. Rep.* I. 34. 51, *пер. В. О. Горенштейна*). Да и Ливий, говоря о личном богатстве цензоров в V в. до н. э., лишь предполагает его наличие, не зная этого точно (*Liv.* IV. 8. 5: *credo* – «я думаю»), ибо ему не известно, как было на самом деле).

Во всяком случае, ни один цензор не понес материальной ответственности за государственное преступление. Так, цензор 174 г. Фульвий Флакк, по свидетельству Валерия Максима, помутился рассудком (*Val. Max.* I. 1. 20: *post hoc factum mente constitisse*) после того, как украл мраморную черепицу храма Юноны Лацинии в Ларках для строившегося им храма всаднической Фортуны. Кроме того, что это экономическое преступление (ведь надо обратно отвезти черепицу союзникам римского народа!), это еще и святотатство в прямом смысле слова. Однако сенат остался доволен тем, что *quem deus perdere vult, dementat prius*, и декретом позаботился о том, чтобы с величайшей торжественностью черепицу вернули бруттийским Локрам за государственный счет. И это называется *Flaccus impune non tulit*¹⁰.

Да и какая могла быть у цензоров ответственность перед сенатом, если сам Цицерон в речи на судебном заседании назвал цензора *sanctissimus magistratus* (*Cic. Pro Sest.* XXV. 55); аналогично писал и Дионисий Галикарнасский (*ἱερωτάτην ἀρχήν* – *Dionys.* IV. 22). Ливий отмечал, что цензоры обладали священной неприкосновенностью, их побаивались союзники римского народа (*auctoritate censoria sociis deterritis* – XLII. 3. 3; ср. IX. 34. 23).

ственные и военные древности. С. 219, 264–265; *Ростовцев М. И.* История государственного откупа в Римской империи. СПб., 1899. С. 46–54; *Стрелков А. В.* Финансовая структура и финансовая политика Афин в V–IV вв. до н. э. // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб., 2000. С. 257–263.

⁹ *Suolahti J.* The Roman Censors. Helsinki, 1963. P. 10 ff., 80–85.

¹⁰ *Val. Max.* I. 1. 20: *Q. autem Fulvius Flaccus impune non tulit, quod in censura tegulas marmoreas ex Iunonis Laciniae templo in aedem Fortunae equestris, quam Romae faciebat, transtulit: negatur enim post hoc factum mente constitisse. Quin etiam per summam aegritudinem animi expirabit, cum ex duobus filiis in Illyrico militantibus alterum decessisse, alterum graviter audisset adfectum. Cuius casu motus senatus tegulas Locros reportandas curavit decretique circumspiciatissima sanctitate inpium opus censoris retexit.* Ср.: *Liv.* XLII. 3. 2 etc.

То же указание на священство цензоров мы находим и у Плутарха: τιμητῆς ἀπεθείχθη, μέγα τῆς ἀρχῆς ἀξίωμα (Cam. II. 2), μάλιστα γὰρ δὴ Ῥωμαῖοι σέβονται καὶ νομίζουσιν ἱερὰν τὴν τῶν τιμητῶν ἀρχήν (Cam. XIV. 1), и у Афиней из Навкратиса (*Athen. Naucratis. De hypnosoph. XVII. 79* (P. 660 C.)): καὶ παρὰ Ῥωμαῖοις δ' αἱ τιμηταὶ – μεγίστη δ' αὐτῆ ἀρχῆ, *Plut. Paull. XXXVIII* – ἀρχὴ πασῶν ἱερωτάτη (ср. у Свида: *Suidas, s. v. τιμητῆς*: ἀρχὴ μεγίστη καὶ πασῶν ἐντιμωτάτη παρὰ Ῥωμαῖοις); cf.: *Plut. Flam. XVIII*: ἀρχὴ μεγίστη καὶ τρόπον τινὰ τῆς πολιτείας ἐπιτελείωσις *Cam. Mai. XVI*: κορυφὴ τις τιμῆς ἀπάσης καὶ τρόπον τινὰ τῆς πολιτείας ἐπιτελείωσις)¹¹.

Полибий говорил: «Важнее всего то, что консулы обязаны при сложении полномочий отдавать отчет в своих действиях перед народом» (*Polyb. VI. 16. 10, пер. Ф. Мищенко*; ср. *Suet. Tib. 32. 1*). О цензорах этого не сказано, несмотря на то что Полибий признает важность отчетности для других высших магистратов. Проблема их ответственности кратко охарактеризована в книге В. В. Дементьевой: «диктатор не мог без разрешения сената взять деньги из эрария. Видимо, это было связано с тем, что диктатор не отчитывался в своих финансовых тратах: консул брал деньги не спрашивая сенат, но давал отчет об их расходовании, диктатор же тратил денежные средства неподотчетно, но для их получения из казны ему требовалось сенатское постановление»¹². Изучение финансово-экономической деятельности цензоров показало, что они в своих отношениях с Сенатом в данной сфере могут быть приравнены к диктаторам: получали денежные средства по постановлению Сената и не отчитывались в них¹³.

Об отчетности экс-магистратов писал и Цицерон. Следуя недостижимым для римлян образцам афинской философской мысли, он составил свои воображаемые законы¹⁴, по которым цензорам, кроме всего прочего, предлагалось надзирать за исполнением этих законов, т. е. выступить еще и в роли архонтов-фесмофетов (*Cic. Leg. III. 4. 11*). Сами цензоры должны принимать отчеты у всех магистратов, выходящих в отставку (*Ibid.*), будто мало им контрольных полномочий по *cura togum* и *lectio senatus* (*Cic. Leg. III. 3. 7*). И, видимо, для непрерывности принятия отчетов и наблюдения за исполнением законов он считал необходимым вернуться во времена до *lex Aemilia* (434 г.) и преобразовать цензуру из фактически экстраординарной магистратуры, т. е. назначаемой каждый раз по решению сената, в ординарную, т. е. такую, какой она изображалась в традиции до 435/434 гг. – пятилетней и непрерывной (*Ibid.*). Об ответственности самих цензоров перед кем бы то ни было снова не сказано ни слова.

Конечно, было бы хорошо, если бы сами цензоры (в числе остальных магистратов) сдавали отчеты новым цензорам официально, по закону. Но формально это установлено не было. Только во время ценза или *lectio senatus* цензор принимал отчеты у всех квиристов, но только как у частных лиц.

Однако эту весьма трудоемкую и однообразную, но вместе с тем главную и почетную свою обязанность – ценз – цензоры старались игнорировать, исполняли неохотно, иногда не успевали начать, часто не успевали закончить, бывало и просто передавали этот «подарок» в «наследство» своим преемникам. Было бы ошибкой считать, что каждая

¹¹ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. B., 1874. Bd. 2. 1. S. 329, Anm. 5.*

¹² *Дементьева В. В. Магистратура диктатора ... С. 96.*

¹³ *Мельничук Я. В. Римские цензоры и характер государственных подрядов // Древнее право = Jus Antiquum. М., 2000. № 1 (6). С. 32–42.*

¹⁴ *Cic. Leg. III. 3. 7: censores populi acvitates, suboles, familias pecuniasque censento, urbis templa, vias, aquas, aerarium, vectigalia tuento, populiqve partes in tribus describunto, exin pecunias, aevitates, ordines partiunto, equitum peditumqve, prolem describunto, caelibes esse prohibento, mores populi regunto, probrium in senatu ne relinquunto: bini sunt: magistratum quinquennium habento; Cic. Leg. III. 4. 11: privilegia ne inroganto: de capite civis nisi per maximum comitiatum ollosque quos censores in partibus populi locassint, ne ferunto; censores fidem legum custodiunto: privati ad eos acta referunto nec eo magis lege liberi sunt. См. также: *Токмаков В. Н. Военная организация... С. 120: «некорректно отождествлять так называемые "идеальные законы" Цицерона (Leg. II. 19–22; III. 3. 6–11) с первоначальной структурой децемвирального кодекса». Это верное замечание относится и к «идеальным законам» о цензуре.**

цензура завершалась цензом, а каждый ценз – люструмом (*Liv.* X. 47. 2: «Цензоры – двадцать шестые, [считая] от первых цензоров; люструм был девятнадцатым»; *Liv.* XXIV. 43. 4. при этом ценз без люструма)¹⁵. Судя по сочинениям Ливия и Валерия Максима, можно подумать, что цензоры становились таковыми и проводили цензы из желания или попасть в фасты, или свести счеты с врагом (как Катон: ср. *Val. Max.* II. 9. 3), или поглумиться над народом, кичась своей неответственностью, как это сделал Ливий Салинатор, вписав в число эрариев 34 трибы из 35 (*Liv.* XXIX. 37. 13–14; *Val. Max.* II. 9. 6; ср. *Suet.* Tib. III. 2). Это стало возможным благодаря тому, что ценз проводился на Марсовом поле, т. е. вне померия, и по традиции во время проведения процедуры ценза трибуны, очевидно, были бессильны помочь своим согражданам. Это утверждение почти совпадает с точкой зрения македонских исследователей: «акты цензоров и трибунов подлежали интерцессии лишь со стороны своих коллег – цензоров и трибунов»¹⁶. Однако это соображение верно лишь отчасти – при соблюдении отмеченного нами выше условия; иначе мы бы не столкнулись с множеством примеров противодействия цензорам со стороны трибунов, зафиксированных в античной традиции. Сведения, сохранившиеся в произведениях древних авторов, позволяют вполне обоснованно полагать, что плебейские трибуны вмешивались в дела цензоров еще в период их нахождения в должности, но только в черте города (при этом стоит еще раз отметить, что трибунская власть и их *ius intercedendi* не распространялись на Марсово поле в течение срока проведения процедуры ценза) (подробнее см. ниже). Таким образом, нам предстоит выяснить, в какой мере трибуны способны были противодействовать цензорам, могли ли они привлечь их к ответственности согласно *ius auxiliae* для защиты плебеев. Кроме того, принимая во внимание предложение В. Н. Токмакова¹⁷ о в целом незначительных реальных возможностях плебейских трибунов для защиты своих подопечных, было бы интересно проверить этот тезис в отношении трибунской защиты граждан от цензорского произвола (*arbitrium* – *Liv.* IV. 8), учитывая как юридическую, так и фактическую сторону проблемы.

II. Механизм привлечения цензоров к ответственности в V–II вв. до н. э. Роль плебейских трибунов

К сожалению, сравнительных исследований в сфере изучения некоторых особенностей работы древнеримских государственных институтов мало. Так, упомянутые македонские ученые указали на сходство плебейских трибунов и цензоров между собой и на их общее отличие от остальных магистратов в плане *ius intercedendi*, но не исследовали вопрос дальше и поэтому полагали, что никто не мог воспрепятствовать действиям цензоров. Изучая проблему функционирования диктатуры, В. В. Дементьева пусть вскользь, но отметила существовавшие между диктаторами и консулами различия при доступе к финансовым источникам, однако не обратила внимания на идентичность путей получения диктаторами и цензорами денежных средств.

В связи с этим вопрос о принципах противодействия цензорам со стороны плебейских трибунов не случаен. Прецеденты, отмеченные античной традицией, тем более интересны, что плебейские трибуны не имели права *ius vocandi* в отношении *comitatus maximus*¹⁸. Все их действия основывались не на четко расписанной процедуре вызова в суд, а лишь на *ius*

¹⁵ *Liv.* X. 47. 2: *Censores vicesimi sexti a primis censoribus; lustrum undevicesimum fuit. Cf.: Censorin. De die nat.* I. 18. 13: *Nam cum inter primum a Servio rege conditum lustrum et id quod ab imperatore Vespasiano V. et T. Caesare III cons. factum est anni interfuerunt paulo minus DCL, lustra tamen per ea tempora non plura quam LXXII sunt facta et postea plane fieri desierunt.*

¹⁶ Пухан И., Поленак-Акимовская М. Указ. соч. С. 17.

¹⁷ Токмаков В. Н. Трибунция potestas в ранней Республике: военно-правовой аспект // Древнее право = *Ius Antiquum*. 1998. № 1 (3). С. 67–77, особ. С. 71, 76 (*Gell.* XIII. 12. 4. 6).

¹⁸ Там же. С. 76.

auxilii, т. е. праве, которое следует относить скорее к категории *fas*, чем к *ius publicum*¹⁹. Вместе с тем трудно согласиться с В. Н. Токмаковым в том, что «возможно, трибуны осуществляли эти юридические функции (т. е. вызов магистрата в суд – *Я. М.*) самовольно»; ведь незадолго перед этим он пишет, что трибуны созывали центуриатные комиции «вопреки постановлению сената... поскольку обладали этим правом (правом *ius contionandi apud populum* – см.: *Cic. Leg. III. 4. 10*)²⁰». Следовательно, трибун мог вызвать магистрата (в данном случае – цензора) на центуриатные комиции, если ему удавалось убедить народ проголосовать за необходимость публичного судебного разбирательства, но в том, однако, случае, если магистрат подозревался в незаконных действиях против гражданина, который обратился к трибуну за помощью (*auxilium*). В этой ситуации слушания в комициях жалобы гражданина и ответов магистрата *volens-nolens* превращаются в подобие суда.

Также нужно обратить внимание на некоторые юридические ограничения для подобного рода судебных процессов как для трибунов, так и для цензоров как с той, так и с другой стороны. Ведь, как известно, цензоры не обладали правом созыва народных собраний²¹ и, следовательно, находились в неравном по отношению к плебейским трибунам юридическом положении; трибуны, в свою очередь, не могли выставить обвинение против цензоров от своего лица – они должны это делать лишь в ответ на просьбу о помощи того или иного гражданина (не обязательно плебея)²². Используя *ius auxilii*, трибуны организовывали процессы против цензоров.

Таким образом, в черте города трибуны были единственной силой, заставлявшей цензоров, еще отправлявших магистратуру, отвечать перед всем народом. Но отвечать только под угрозой суда и только перед «верховным» судом, на комициях. Тут цензора могли по пустяковому делу (цензор потребовал сношения стены, принадлежавшей плебею) обвинить в *perduellio* (*Val. Max. VI. 5. 3*) – тогда вопрос решался на *comitiatus maximus*. В указанном случае нелепое обвинение могло быть легко утверждено. Однако все подобные эпизоды мы наблюдаем уже после реформы комиций, произведенной цензорами в середине III в. до н. э.²³: тогда плебеи получили большинство в *comitia centuriata*; с этого времени и до Мария трибуны обладали наивысшим политическим влиянием, чем когда бы то ни было.

Однако сенат своим вмешательством и авторитетом старался оградить цензоров от стихии народных собраний (что косвенно указывает на зависимость цензоров от сената и единство их целей в политической борьбе). Также необходимо помнить, что до 139 г. до н. э. (*Cic. Leg. III. 16. 35: lex Gabinia; Val. Max. VI. 5. 3 (169 г.): Claudium aperte damnabant*) деятельность народных собраний проходила в режиме открытого голосования; это обстоятельство было на руку цензорам, они видели, кто из граждан выступал против них и при первой же возможности заносили их в «черный список» эрариев (примечательна в этом плане деятельность цензора Ливия Салинатора (204 г.), записавшего в разряд подушных налогоплательщиков 34 трибы – см. выше).

С наблюдением плебейских трибунов за деятельностью магистратов в сфере ценза мы сталкиваемся сразу же, при обсуждении в 443 г. сенатусконсульта об учреждении специальной должности, ведающей основными вопросами внутреннего устройства *civitas*. Как известно, Ливий указывает на полное равнодушие трибунов к новым планам сенаторов²⁴.

¹⁹ Токмаков В. Н. *Tribunicia potestas* в ранней Республике: военно-правовой аспект // Древнее право = *Jus Antiquum*. 1998. № 1 (3). С. 72–74.

²⁰ Там же. С. 76, 75.

²¹ Боголепов Н. П. Указ. соч. С. 113–114.

²² Токмаков В. Н. *Tribunicia potestas*... С. 71: отмечается «односторонность *ius auxiliae* трибунов. Они оказывали, по-видимому, ее только тем, кто сам обращался к ним за ней».

²³ *Ross Taylor L. The Centuriate Assembly before and after the Reform // The American Journal of Philology*. 1957. Vol. 78. 4. P. 337 ff.

²⁴ *Liv. IV. 8. 6: tribuni, id quod tunc erat, magis necessariam, quam speciosi ministerii procurationem intuentes, ne in parvis quoque rebus incommode adversarentur, haud sane tetendere. «Трибуны... не возражали, дабы не препираться по мелочам» (Пер. Г. Ч. Гусейнова).*

Однако это были вовсе не *res nullius* для общины. Очевидно, что острое сенатского постановления об учреждении цензуры было направлено не только и не столько против новоиспеченных *tribuni militum consulari potestate* (вопрос о вхождении в их число плебеев уже в V в. до н. э. не имеет пока однозначного решения)²⁵, сколько против консулов, широта полномочий которых вызывала опасения сената. Таким образом, в 443 г. трибуны действовали заодно с сенатом в пользу ограничения консульской власти.

Вместе с тем и объем цензорской власти скоро показался сенаторам непомерно раздутым; очевидно, что специальный закон, проведенный диктатором Мамерном Эмилием, представителем и высшим распорядителем власти (*lex Aemilia* 434 г. до н. э.), ограничивающий время пребывания цензоров в должности полутора годами, был личной инициативой неудачливого в военных предприятиях диктатора (кто из магистратов кроме диктатора рискнул бы вмешаться в компетенцию цензоров, да еще в момент нахождения их у власти?). Приводимые Ливием аргументы в пользу личных мотивов деяний Эмилия явно надуманны (*Liv.* IV. 24): стоило ли рисковать своим имуществом ради иллюзорной «славы в веках»? Возможно даже, как полагает В. В. Дементьева, диктатор Эмилий был специально выдвинут сенаторами для урегулирования проявившегося дисбаланса сил между цензорами и сенатом.

Особое указание Ливия на позицию плебейских трибунов при обсуждении сенатоконсульта 443 г. говорит и о том, что им было не все равно, какие изменения происходят в области управления внутренней жизнью общины²⁶. Кажется, Ливий нарочно желает скрыть интерес трибунов (и вообще принизить их политическую роль в то время). Ведь когда первый плебейский диктатор Г. Марций решил баллотироваться в цензоры, «трибуны всеми силами помогали ему» (*Liv.* VII. 22. 9), несмотря на, казалось бы, безнадежность этого предприятия (оба консула в 351 г. были патрициями – *Ibid.* 2). Не возражали трибуны и против третьего закона диктатора Публилия Филона (339 г.) о том, что «один цензор должен был непременно избираться из плебеев» (*Liv.* VIII. 12. 16; как известно, сенаторы были резко против – *Ibid.* 17).

И тем не менее, до приобретения плебеями права на замещение высших магистратур (367 г.) и даже до 351 г. (прорыв их в цензуру) плебейские трибуны, как представляется, не имели реальной возможности в IV в. до н. э. влиять на решения цензоров во время исполнения ими своих обязанностей. Именно поэтому на цензорских выборах 351 г., несмотря на жесткое противодействие со стороны сената и обоих консулов-патрициев, трибуны все как один поддержали бывшего плебейского диктатора Марция²⁷, успешно сделавшего себе карьеру на решении долгового вопроса в пользу средних слоев плебса²⁸. Думается, помощь трибунов Марцию Рутилу оказалась весьма кстати.

После того как трибуны вмешались в предвыборную борьбу 351 г., на политическом небосклоне наступило продолжительное затишье: «В течение уже многих лет между патрицианскими магистратами и плебейскими трибунами не было никаких стычек» (*Liv.* IX. 33. 3). Это сообщение относится к 326–312 гг., но в отношении цензоров оно верно для всего периода с 339 по 311 г.²⁹

Первое серьезное столкновение трибуна с цензором-патрицием, как уверяет Ливий, произошло в 311/310 г. до н. э. Плебейский трибун П. Семпроний (IX. 33. 5) выдвинул против цензора Аппия Клавдия Красса (прозванного позже Цекком) обвинение в превы-

²⁵ Полемику о присутствии либо отсутствии плебеев в должности консульских трибунов в V в. до н. э. см.: Дементьева В. В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 49 и след. Cf.: *Liv.* IV. 25. 10 (432 г. до н. э.).

²⁶ См. противоположную точку зрения: Кучеренко Л. П. Цензоры в социально-политической жизни ранней Римской республики // Политические структуры и общественная жизнь Древнего Рима. Ярославль, 1993. С. 27–28.

²⁷ *Liv.* VII. 22. 9: *tribuni, omni vi recuperando ius consularibus comitiis amissum, adiuverunt.*

²⁸ Кофанов Л. Л. Указ. соч. С. 168.

²⁹ Ср.: Павлов А. А. К вопросу об изменении характера плебейского трибуната на завершающем этапе сословной борьбы (339–287 гг. до н. э.) // Древнее право = *Ius Antiquum*. 2000. № 1 (6). С. 127.

шении полномочий. Косвенные данные свидетельствуют о том, что речь Семпрония и самое разбирательство дела состоялись перед центуриатным собранием (IX. 34. 3. 26). Это не было судом в прямом смысле слова, ибо трибун призвал Аппия Клавдия добровольно³⁰ покинуть магистратуру в связи с истечением срока пребывания в должности (в плане *ius publicum*, согласно *lex Aemilia* 434 г.) и в связи с тем, что его коллега, плебейский цензор Г. Плавций Венокс досрочно покинул свой пост (согласно обычаю отказа от должности при истечении срока полномочий, в случае преждевременной отставки или смерти коллеги (*Liv.* IX. 34. 20–21) – в плане *fas*). Вместе с тем Ливий указывает на прения сторон по этому делу (IX. 33. 6–9); также отмечено, что представители всех сословий были на стороне истца (*Ibid.* 5).

Обвинительная речь Семпрония, вложенная в его уста Т. Ливием, послужила оправданием последовавшего вслед за тем приказа о заключении цензора под стражу (*in vincula duci iussit*) за нарушение Эмилиева закона. Однако три других трибуна воспротивились этому, оказав Аппию Клавдию поддержку на основании его апелляции (*Ibid.* 26: *tres appellanti Appio auxilio fuerunt*); остальные шесть трибунов поддержали (*approbare*) П. Семпрония; таким образом, мы наблюдаем определенный раскол как в их среде, так и в обществе и в сенате. Следовательно, указание Ливия на то, что дело Семпрония против Аппия Клавдия было поддержано всем народом, противоречит другому его утверждению.

Остается нерешенным вопрос о формальных основаниях возбуждения дела именно плебейским трибуном: ведь обычно казусы такого рода специально рассматривал сенат (ср.: *Val. Max.* I. 1. 20; *Liv.* XLII. 3. 5–10). Кроме того, не сказано, на основании чьей апелляции трибун принялся обвинять цензора; и наоборот, три трибуна по праву взяли под защиту обратившегося к ним за помощью Аппия Клавдия. Приведенные несоответствия в описании этого дела и отсутствие юридических оснований для его возбуждения трибуном, на наш взгляд, говорят о том, что этот эпизод римской истории нуждается в дополнительной верификации. Ведь, например, критически настроенный Г. Де Санктис считал, что рассказ Ливия выдуман с целью объяснить несовпадение в летописях и фастах дат цензурства Аппия Клавдия³¹. Любопытно, что аналогия Ливиева рассказа не прослеживается ни у одного из других античных авторов: даже Валерий Максим, дублирующий почти все колоритные пассажи Ливия о цензорах и добавляющий к ним новые, не приводит данный случай борьбы цензоров и трибунов. Это еще один довод в пользу вымышленности изложенной Ливием истории.

Подлинным эпизодом борьбы цензоров и трибунов является рассказ Ливия (*Liv.* XXIV. 18. 3–9; XXIV. 43. 2–4) и Валерия Максима (*Val. Max.* II. 9. 7–8) о событиях 215–214 гг. до н. э. Цензоры М. Атилий Регул и П. Фурий Фил (*Liv.* XXIV. 11. 6) обвинили большую группу всадников во главе с квестором 215 г. М. Цецилием Метеллом в дезертирстве (*Liv.* XXIV. 18. 3). Процедуру суда над ними Ливий описывает все же не точно. Сначала, как пишет римский историк, цензоры призвали военных к ответу (*citaverunt*). Затем они приказали Метеллу и остальным выступить в качестве ответчиков не в обычном суде или на *comitiatus maximus* по обвинению в *perduellio*, а перед ними самими. Поскольку Метелл и его товарищи не смогли обелить себя, цензоры объявили их виновными в произнесении речей против государственного строя и в заговоре с целью оставления Италии и на этом основании последовало обычное цензорское наказание для *ignominiosi*: лишение государственных коней, изгнание из трибы и перевод в разряд эрариев³².

³⁰ О принципе добровольности ответственности цензоров, их участия в судебных разбирательствах см. ниже; ср.: *Liv.* XLIII. 16. 12.

³¹ *De Sanctis G. Storia dei Romani.* Firenze, 1960. Vol. 2. P. 217, 213, n. 108.

³² *Liv.* XXIV. 18. 3–4: *Primum eos citaverunt, qui post Cannensem pugnam rem publicam deseruisse, Italiaque excessisse velle dicebantur. Princeps L. Caecilius Metellus quaestor tum forte erat. Iusso deinde eo ceterisque eiusdem noxae reis causam dicere cum purgari nequissent, pronunciarunt, verba orationemque eos adversus rem publicam habuisse, quo coniuratio deserendae Italiae causa fieret... His superioribusque illis equi ademti, qui publicum equum habebant; tribuque moti, aerarii omnes facti.* Ср.: *Liv.* XXIV. 43. 3: *Quaestorem eum proximo anno ademto equo tribu moverant atque aerarium facerant,*

В том же году М. Метелл, несмотря на суровые порицания и наказания цензоров, был избран плебейским трибуном на конец 215–214 гг. до н. э.³³ И тотчас по вступлении в должность он назначил день явки цензоров в центуриатные комиции для дачи отчета в их деятельности за прошедший год³⁴. Как видим, ни о каком суде над цензорами не может быть и речи. Формально – это политический процесс «о защите чести и достоинства» Метелла и его товарищей, причиной которого, очевидно, послужили обращения к трибуну соучастников осужденного цензорами заговора. Таким образом, с чисто юридической точки зрения претензии трибуна к цензорам основывались на его *ius auxilii*. И тут мы подходим к важному вопросу: почему же Метелл выступил против цензоров как плебейский трибун; не лучше ли было дождаться окончания срока полномочий цензоров и возбудить против них уголовное дело в обычном порядке? Почему это и все последующие обвинения цензоры выслушивали в комициях, еще находясь в должности?

Во-первых, как уже было выяснено, цензоры, выходя в отставку, не были обязаны предоставлять отчет в своих действиях не только народу, но даже и сенату (ср.: *Val. Max.* VII. 2. 6: <censores> exigere deberet rationem, non reddere. У Цицерона тоже ничего не сказано). И, во-вторых, что самое главное, важно было добиться пересмотра или отмены цензорского замечания (*nota censoria*) еще при действующих цензорах, т. е. нужно действовать быстро. Если решение цензоров не будет пересмотрено ими самими, оно будет действовать до избрания новой коллегии, даже если сами цензоры, став частными людьми, будут осуждены обычным судом. Кроме того, санкции согласно *cura togum* – это не только временное понижение социального статуса (лишение всаднического достоинства и перевод в низшую трибу) (ср.: *Liv.* XLV. 15. 4), но, что не менее важно, переход в разряд плательщиков обременительного, произвольно устанавливаемого цензорами подушного налога (и это вдобавок ко всем остальным видам налогов!).

Однако заставить цензора изменить меру наказания – вовсе не такое уж простое дело даже для трибуна – председателя комиций. С одной стороны, цензоры были лишены права *agendi cum populo/plebe*, у них нет средств влияния на собрание; с другой – они обычно пользовались (как и в этом случае) косвенной или даже прямой (204 г. – *Liv.* XXIX. 37. 17) поддержкой сенаторов.

В 214 г. сенат, вероятно, мог воспользоваться разногласиями среди трибунов. Девять коллег М. Метелла наложили *veto* на его решение о вызове цензоров на комиции, мотивировав это тем, что «нельзя выставлять обвинение против магистрата, пока он находится в должности»³⁵. Отметим только, что эта поправка в отношении цензоров, утвержденная трибунским большинством, фактически свела на нет положение *lex sacra* 449 г. о запрещении избрания должностных лиц без права обжалования (ср.: *Liv.* III. 55. 5)³⁰. В то же время решение плебейских трибунов действовало лишь в течение срока их трибуната и не было оформлено в виде *lex*, который естественным образом отменил бы закон 449 г. до н. э. Да они к этому и не стремились. Самым правдоподобным объяснением их *veto*

propter coniurationem deserendae Italiae ad Cannas factam; *Val. Max.* II. 9. 8: Turpis etiam metus censores summa cum severitate poenam exegerunt: M. enim Atilius Regulus et L. Furius Philus M. Metellum quaestorem compluresque equites Romanos, qui post infeliciter commissam Cannensem pugnam cum eo abituros se Italia iuraverant, dereptis equis publicis inter aerarios referendos curaverunt. Сопоставление свидетельств Ливия и Валерия Максима показывает, что дело Метелла решалось не в суде, а *перед цензорами*, которые сами вынесли решение об осуждении. Поэтому *geus* в тексте Ливия употреблен не в строго юридическом смысле.

³³ Это один из ряда фактов, доказывающих несущественное значение административных наказаний.

³⁴ *Liv.* XXIV. 43. 2: Romae cum tribuni plebis novi magistratum inissent, extemplo censoribus, P. Furio et M. Atilio a Metello tribuno plebis dies dicta ad populum est. Все дела, возбужденные трибунами против цензоров, рассматривались только в центуриатных комициях: именно эти комиции выбирали цензоров, значит, они имели право отстранить их от должности.

³⁵ *Ibid.* 3: novem tribunorum auxilio vetiti causam in magistratu dicere, dimissique fuerant. Или, по версии Валерия Максима, сенат оправдывал свое решение тем, что цензоры не обязаны отчитываться в своих действиях даже перед ним (*Val. Max.* VII. 2. 6).

³⁰ Кофанов Л. Л. Указ. соч. С. 74.

является давление со стороны сената, действовавшего, как видим, паллиативными мерами: через 10 лет, в 204 г. до н. э., против цензоров было возбуждено новое дело.

Вот что передает Валерий Максим о цензорах 204 г. М. Ливии Салинаторе и Гае Клавдии Нероне: «Когда вследствие очень сурово проведенной цензуры трибуном Гн. Бэбием с роств против них была произнесена речь и последовало возбуждение дела, Сенат своим постановлением освободил их от обвинения и, возвращая их, свободных от страха перед судом, вернул должность тем, кто должен был бы требовать от них (сенаторов. – Я. М.) отчета, а не давать его им» (*Val. Max. VII. 2. 6: senatus... decreto suo liberavit <ensores>, qui exigere deberet rationem, non reddere*).

В данном случае сенаторам пришлось вмешаться напрямую: видя, что трибун Бэбий пытается сделать на этом деле имя, patres с общего согласия приняли постановление о запрещении на будущее вызывать цензоров в народное собрание для обсуждения их поведения³⁶. Однако и этот сенатусконсулт носил временный характер; он не был преобразован в закон и поэтому мог не приниматься во внимание трибунами уже следующего 203 г. до н. э.

В этой связи хочу пояснить следующее: необходимо различать два похожих казуса в истории противостояния между плебейскими трибунами и цензорами. Пассаж Валерия Максима (*Val. Max. VII. 2. 6*) содержит информацию о возбуждении дела против цензоров 204 г. трибуном Гн. Бэбием (см. *Liv. XXIX. 37. 17*). Другой его фрагмент (*Val. Max. VI. 5. 3*) описывает дело против цензоров иного времени – 169 г., возбужденное другим трибуном – П. Попилием. Ливий называет этого трибуна П. Рутилием (*Liv. XLIII. 16. 5*). Во втором случае, если следовать Ливию, мы увидим, что Рутилий вел дело против обоих цензоров совокупно, а не против одного только Г. Клавдия Пульхра, что видно из следующего пассажа³⁷; но и затем, несмотря на эффектный трюк цензора Гракха (он заявил, что в случае осуждения коллеги вместе с ним отправится в изгнание), комиции продолжали голосовать за осуждение его коллеги Клавдия³⁸. Можно говорить только о том, что поступок Семпрония повлиял на голосование в пользу цензоров, но нельзя забывать, что если бы комиции осудили Клавдия (не хватило 8 голосов!), тут же был бы поставлен на голосование вопрос и об осуждении Семпрония: ибо дело было возбуждено против обоих цензоров, а голосование происходило по каждой кандидатуре в отдельности, раз уж дело шло о тяжком преступлении – *perduellio*.

Дело 169 г. было возбуждено потому, что цензор Тиберий Гракх взимал залогов (*pignorigibus*) и налагал штрафы (*multa*) на граждан вопреки интерцессии трибуна и решению о взятии их под защиту согласно *ius auxilii*. Трибун приговорил цензора Гракха к конфискации имущества в эрарий в соответствии с санкцией *sacer esto* на основании *ius auxilii* права защиты гражданина³⁹.

Цензор Г. Клавдий Пульхр был вызван трибуном П. Рутилием в центуриатное собрание в связи с нарушением «Конституции»: так как цензор вмешался в процесс проведения Рутилием трибуного собрания, хотя и не имел такого права (*Ibid. 11*).

³⁶ *Liv. XXIX. 37. 17: In invidia censores cum essent, crescendi ex his ratus esse occasionem, Cn. Baebius tribunus pl. diem ad populum utrique dixit. Ea res consensu patrum discussa est, ne postea obnoxia populari aerae censura esset.*

³⁷ *Liv. XLIII. 16. 11: ...utrique censori perduellionem se iudicare pronunciauit <tribunus>. Cp. XXIX. 37. 17.*

³⁸ *Liv. XLIII. 16. 14–16: adeo tamen ad extremum spei venit reus (...). Аноним в книге De viris illustribus urbis Romae (IV в. н. э.) указывает на иные обстоятельства возбужденного против цензоров дела (169 г.: *Anonym. 57. 3*): <Ti. Sempronius Gracchus> censor libertinos, qui rusticas tribus occuparant, in quattuor urbanas divisit; ob quod a populo collega eius Claudius (nam ipsum auctoritas tuebantur) reus factus; et cum eum duae classes condemnassent, Tiberius iuravit se cum illo in exilium iturum: ita reus absolutus est.*

³⁹ *Liv. XLIII. 16. 10: Ti. Gracchi primum bona consecravit, quod in multa pignorigibusque eius, qui tribunum appellasset, intercessioni non parendo, se in ordinem co gisset.*

Итак, все вышеупомянутые случаи свидетельствуют о том, что вызовы цензоров в комиции судом назвать нельзя⁴⁰. Во-первых, отсутствовал принцип состязательности сторон: цензор не имел *ius cum populo agendi*, и поэтому плебейский трибун мог прервать ответную речь цензора в любую минуту; во-вторых, в дела часто вмешивался сенат – либо путем давления на коллег-трибунов, либо изданием запрещающего «суд» постановления.

Далее, как неоднократно и верно отмечал В. Н. Токмаков, все претензии трибунов к магистратам в основном ограничивались защитой обратившихся к ним граждан в рамках *ius auxilii*; самостоятельно возбудить дело против цензоров трибуны, очевидно, не имели права⁴¹. Все их вмешательство сводилось к назначению времени созыва *comitia perduellionis*, изложению обстоятельств дела и обвинению.

Хотелось бы сказать несколько слов о процедуре слушаний такого рода дел в комициях. Сперва плебейский трибун должен был публично предъявить цензору обвинение и назначить время слушаний (*Liv. XXIV. 43. 2; XXXVII. 58. 1; XLIII. 16. 12*). Затем, если разбирательство проходило в центуриатных комициях (*comitiatus maximus = comitia perduellionis; Cic. Leg. III. 4. 11; Liv. XLIII. 16. 12; Val. Max. VI. 5. 3*), трибун должен был договориться с председательствующим о внесении в повестку дня своего предложения (*Liv. XLIII. 16. 11: <tribunus pl.> a C. Sulpicio praetore urbano petiit*); следовательно, постановка на голосование резолюции с осуждением цензоров в основном зависела от председательствующего. Кроме того, трибуну необходимо было заручиться добровольным согласием цензоров принять участие в разбирательстве⁴², т. е. очевидно, что цензоры могли сорвать процесс, ведь обвинение в *perduellio* ставило их не только на грань жизни и смерти, но и заставляло полностью свернуть свою деятельность: они закрывали и печатавали цензорский архив (атриум Свободы), распускали своих помощников – государственных рабов – и прекращали исполнять свои обязанности⁴³.

Голосование об осуждении проходило в несколько этапов, в течение двух или трех заседаний. Так, для 189 г. зафиксировано назначение трех дней для слушания дела в комициях (*Liv. XXXVII. 58. 1*), а для детального рассмотрения своего иска трибун Рутилий (169 г.) установил срок в два дня⁴⁴.

Столь длительное рассмотрение дела в комициях было выгодно не только Рутилию и его коллегам: оно позволяло сенату вмешаться или путем издания запретительного сенатусконсульта, или повлиять на исход дела через отдельных сенаторов, действовавших в частном порядке (*Liv. XLIII. 16. 14*).

И наконец, еще одним существенным препятствием к возбуждению дела против цензоров служило то обстоятельство, что в случае неудачного для трибуна голосования в комициях он получал от цензоров все возможные виды наказаний: исключение из числа сенаторов или всадников, перевод в городскую трибу и запись в разряд эрариев⁴⁵.

⁴⁰ Постоянные упоминания о «суде» над цензорами (в последнем русском издании сочинения Ливия) не всегда находят параллели в оригинале; Ливий, однако, иногда неадекватно употребляет термины *teus* и *iudicium*; у Валерия Максима в соответствующих пассажах эти слова вообще не фигурируют.

⁴¹ В противном случае трибуны 214 г. не стали бы выносить специальное определение о невозможности возбуждения дела до выхода магистрата (в данном случае – цензора) в отставку, а сенат не дал бы точно такое же заключение в 204 г. до н. э.

⁴² *Liv. XLIII. 16. 12: Non recusantibus censoribus, qui minus primo quoque tempore iudicium de se populus faceret.*

⁴³ *Ibid. 13: censores extemplo in atrium Libertatis ascenderunt, et, ibi signatis tabellis publicis, clausoque tabulario et dimissis servis publicis, negarunt, se prius quidquam publici negotii gesturos, quam iudicium populi de se factum esset.*

⁴⁴ *Ibid. 12: in ante dies octavum et septimum Kalendas Octobres comitiis perduellionis dicta est.*

⁴⁵ *Liv. XLIV. 16. 8: censores censum Idibus Decembribus... habuerunt: multi equis ademti, inter quos P. Rutilio, qui tribunus pl. eos violenter accusarat: tribu quoque is motis et aerarius factus.* То есть цензоры приурочили проведение ценза ко времени сложения полномочий преследовавшего их трибуна П. Рутилия, с целью расквитаться с ним уже как с частным лицом (они должны были успеть сделать это до окончания собственных полномочий).

В заключение хотелось бы высказать несколько общих замечаний:

1) Нужно отметить, что, несмотря на наличие хороших греческих образцов государственного управления (а к грекам тогда обращались, в том числе и по вопросам ценза, и по принципам устройства откупной системы, которой заведовали цензоры), римляне наделили цензоров максимумом полномочий, назначили для их исполнения пять лет (правда, скоро сократили до полутора – *Liv.* IV. 24. 4–5; ср.: *Cic. Leg.* III. 3. 7), не требовали от них отчета, не проверяли не только их психические и психологические качества, но даже их материальную обеспеченность. В отношении последней добавлю, что иногда, как в 216 г. до н. э., доходило до того, что, когда в казне не было денег для проведения общественных работ и граждане не могли более предоставлять средства для *ultra tributa*, цензоры привлекали квиритов к суду с целью оштрафовать или конфисковать их имущество, но ни в какую не хотели производить работы на свой счет (*Val. Max.* II. 9. 7–8; *Liv.* XXIV. 18. 2–11). Наоборот, собрав деньги на строительно-ремонтные работы меньшего положенного, остаток требовали у сената, а последний, по утверждению Полибия (*Polyb.* VI. 17. 5), иногда брал на себя ущерб частных лиц – публиканов. Что уж говорить о магистратах? Сенаторы же могли воздействовать на цензоров только увещаниями (179 г.: *Liv.* XL. 45. 6; 46. 16), не имея возможности отстранить их либо привлечь к суду, пока они находились в должности; после окончания срока магистратуры тот или иной цензор мог теоретически быть привлечен к суду, но уже как частное лицо. Таким образом, вопросы политико-правовой и финансово-экономической ответственности цензоров решались путем закрытых слушаний в Сенате без вынесения на обсуждение в комиции (*Val. Max.* I. 1. 20, *Liv.* XLIII...). В Риме не существовало традиции специальных цензорских отчетов по окончании срока службы.

2) В римской традиции хорошо прослеживается мысль о постоянном надзоре плебейских трибунов сначала над патрицианскими должностными лицами, а затем и над магистратами вообще. Вероятно, первым судебным процессом против цензоров стало слушание в комициях дела Алпия Клавдия Цека (311/310 г.). Но обстоятельства этого процесса заставляют усомниться в его историчности, тем более что оно зафиксировано лишь в ливианской традиции. Другие, более достоверные процессы 214, 204 и 169 гг. позволяют подробно реконструировать механизм привлечения цензоров к ответственности в судебном порядке.

3) Даже после реформы центуриатных собраний, когда усилились позиции плебейских трибунов, ответственность цензоров – не перед законом фактически, а перед народом – носила, если так можно выразиться, частный, а не всеобщий характер. Трибуны заступались за граждан согласно *ius auxilii*, а ответственность цензоров на суде комиций имела только негативный оттенок.

4) Защитить гражданина трибуны могли лишь в том случае, если цензоры к моменту возбуждения дела еще находились в должности: только тогда на основании резолюции центуриатного собрания их можно было заставить отменить или изменить свое решение. Возбуждать дело против бывших цензоров не имело практического смысла, ибо их решения уже не могли быть отменены до выборов следующей пары магистратов.

5) Назначить разбирательство в комициях можно было лишь испросив согласие цензоров участвовать в обсуждении обстоятельств дела. Видимо, препятствием к обязательному привлечению к ответственности цензоров служило представление о них как о «священных магистратах».

6) Поскольку дела слушались, как правило, в центуриатных комициях (*comitia perduellionis*), возможность постановки на голосование резолюции с осуждением цензоров во многом зависела от председательствующего в комициях магистрата (претора или консула).

7) На предварительной стадии разбирательства в дело обычно вмешивался сенат, всегда защищавший цензоров: сенаторы либо оказывали давление на плебейских трибунов, либо выносили постановление о досрочном прекращении дела.

8) В случае неудачного для обвинителей голосования цензоры, как правило, пользовались возможностью наказать кого-либо из них в порядке *ciga togum* – за клевету (обычно после того как трибун слагал с себя неприкосновенность).

9) Вместе с тем, согласившись участвовать в процессе, цензоры должны были подчиниться решению комиций. Но принцип «равных возможностей» для защиты и обвинения не мог быть соблюден: цензоры не имели *ius cum populo agendi*, и на центуриатных комициях трибун имел право в любой момент прервать речь цензора и в некоторых случаях даже взять его под стражу.

10) Однако в целом обстоятельства каждый раз складывались не в пользу стороны обвинения, и для данного периода не обнаружено ни одного случая осуждения цензоров или отмены утвержденного ими решения.

Таким образом, приходится констатировать, что цензор, находясь при исполнении обязанностей, был неответственен в своих действиях перед *civitas* в обязательном порядке и единственной порукой законности его действий было осознание им величия своей магистратуры и образы предков, косвенно поспособствовавших его утверждению в должности.

JA. V. MELNIČUK

LA RESPONSABILITÀ DEI CENSORI D'AVANTI ALLA *CIVITAS* NEL PERIODO TRA LA META DEL V SEC. E LA META DEL II SEC. AV. CR.

(RIASSUNTO)

Nell'articolo si tratta del problema delle forme di responsabilità giuridica dei censori. I dati della tradizione antica testimoniano uno spettro assai vasto delle funzioni censorie ma non dicono praticamente niente della responsabilità dei censori. In Roma antica non c'era la tradizione dei rendiconti dei censori dopo l'uscita di carica. Le questioni fondamentali riguardanti l'azione dei censori erano regolate direttamente dal Senato (*Liv.* XXXIX. 44). Inoltre, spesso (probabilmente, per la prima volta nel 312 a. C., con la vicenda di Appio Claudio il Censore) incontriamo nelle fonti testimonianze di una ingerenza dei tribuni della plebe nell'attività di censori (anche nel 214, 204 e 169 a. C.). Gli autori antichi (in primo luogo Tito Livio) offrono la possibilità di ricostruire dettagliatamente il meccanismo di citazione dei censori in giudizio. Bisogna tuttavia notare che: 1) i tribuni della plebe agivano privatamente, in conformità con lo *ius auxilii*; 2) il tribuno non possedeva il diritto di giudicare un magistrato (*Gell.* XIII. 12), cioè questo era nella competenza dei consoli e dei pretori come i presidenti del *comitatus maximus*. Bisogna tenere presente che il tribuno della plebe poteva citare i censori (obbligatoriamente, tutti e due!) in giudizio

solo nel periodo dell'esercizio dei loro poteri: soltanto in quel momento il *comitatus* poteva far annullare qualunque decisione dei censori.

Il deferimento dei censori al giudizio comiziale, ovviamente, non poteva aver luogo senza il consenso da parte loro: l'immagine dei censori come il *sanctissimus magistratus* influiva fortemente sulla coscienza dei Romani (*Cic. pro Sest.* XXV. 55, ecc.). Inoltre, il Senato come organo aristocratico cercava sempre di sospendere ogni processo penale contro i censori, ancora allo stadio d'indagine preliminare, facendo una pressione manifesta sul tribuno-attore o agendo mediante gli altri colleghi del tribuno.

Tuttavia, i censori, accusati di *perduellio*, dando il loro consenso di assistere al *comitatus maximus*, erano nella posizione chiaramente sfavorevole, perché non avevano lo *ius agendi cum populo*. Tuttavia, con l'aiuto del Senato, i censori potevano sempre evitare la responsabilità e la punizione. In generale, si può dire che i censori erano irresponsabili nella loro attività; perciò più tardi si sarebbe consolidata l'idea dell'impossibilità di giudicare (o processare) dei «santi magistrati».